

Предел возможного

Ветер Перемен

Ли ньюши была рада вернуться к работе. Несколько месяцев Дин Мэйхуа провела в Сычуани и только недавно вернулась в Пекин с родителями, но уже через пару дней Ли ньюши согласовала график работы и пришла к семи утра, чтобы присмотреть за малышкой. Дин Мэйхуа загорела, заметно прибавила в росте и весе, уверенно ходила и начала повторять простые слова. Было видно, что месяцы на свежем воздухе пошли ей на пользу.

В один из дней в первой половине дня Ли ньюши отвезла Мэйхуа в парк на детскую площадку. Девочка вдоволь наигралась в песке и начала подавать первые признаки усталости, так что нужно было возвращаться, чтобы накормить ее обедом и уложить спать. Ли ньюши уже почти перевезла прогулочную коляску через дорогу, когда одно из задних колес провалилось в решетку слива и отломилось, а выскочившая на перекрестке машина не успела затормозить.

В середине дня в одну из клиник в центре Пекина в тяжелом состоянии с многочисленными ушибами поступила годовалая девочка. Врачи сделали все возможное, чтобы ее стабилизировать, и пытались дозвониться до родителей, чтобы сообщить им новости. Мать девочки не брала трубку, поэтому после нескольких безуспешных попыток. Заканчивающихся гудками, Инь ньюши набрала номер отца Дин Мэйхуа.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа закончил плановые операции и перепроверял протоколы, которые заполнила Цао. Она обычно очень дисциплинированно вела документы, но за любую ошибку влетит ему, как старшему, поэтому Вэньхуа привык перепроверять все и за всеми. Он не так давно вернулся к работе после обучения, и сейчас заново привыкал к привычным процедурам.

От этой работы его отвлек телефонный звонок. Вэньхуа не сразу понял, что речь шла не о делах Хусин и его личных пациентах, но затем вместе с ледяным страхом настигло понимание того, что случилось. Мэйхуа попала в аварию и находилась в больнице. По телефону ничего внятного сказать не могли, только то, что она в отделении интенсивной терапии. Вэньхуа позвонил Мэйлин, но она не брала трубку.

Он отпросился у Ши дайфу и перед тем, как уехать из Хусин, снова не смог дозвониться до Мэйлин - у неё могла затянуться операция, и телефон она увидит только когда освободится. Он отправил в вичат сообщение "Сяомими попала в аварию, состояние тяжелое, я уехал к ней" и указал адрес больницы. Это была большая недорогая клиника, куда часто попадали по скорой помощи. Вэньхуа с ходу не мог вспомнить, кто там работал из его знакомых, проще было разбираться на месте.

Мэйлин Юн

После внеплановой срочной операции, когда нужно было ликвидировать массивное

кровотечение из разорвавшейся аневризмы брюшной аорты, Мэйлин приняла душ и потом еще несколько раз помыла руки, будучи в крайней задумчивости. Казалось, способность трезво и здраво мыслить приходила к ней только в операционной, все остальное время Мэйлин самой себе напоминала снулую рыбу, выброшенную на берег. Она не реагировала на саркастические замечания Ланя дайфу, с отстраненным видом кивала на все, что он ей говорил, и продолжала заниматься своей работой. Он подсунул ей неудобный график работы, но Мэйлин даже на это не обратила внимания. Она так и не попросила поменять ей препараты, все же боялась, что ее отстранят.

Она увидела кучу пропущенных только когда спустилась в ординаторскую, первые несколько звонков были с незнакомого номера, потом Вэньхуа, и в конце – сообщение в вичат от него же. Мэйлин несколько раз прочитала одно и то же, прежде чем до нее дошел страшный смысл написанного. Сяомими попала в аварию, и ее состояние тяжелое.

Как будто кто-то огромный вдруг сжал большую и сильную руку у нее на горле, так что стало нечем дышать. Через полчаса она приехала по указанному в сообщении адресу, но почему-то вдруг растерялась, не зная, куда ей дальше идти.

Дин Вэньхуа

У Вэньхуа ушло минут сорок на то, чтобы добраться до больницы по пробкам. Ему больше не перезванивали, и это уже можно было считать хорошей новостью. В больнице он долго дождался в очереди у информационной стойки, чтобы узнать имя врача и как пройти в отделение, после этого остался ждать в фойе, пока врач сможет с ним переговорить. Вэньхуа нервничал, но он понимал, что в такой ситуации лучшее, что мог сделать лично он - не отвлекать тех, кто сейчас помогал Сяомими. Ему было бы намного спокойнее, если бы её можно было перевезти в Хусин, где он всех знал, и где было более современное оборудование, но состояние Мэйхуа сейчас вряд ли это позволяло. Сейчас не он должен был принимать решения, хотя бы до того момента, как будет понятно, каковы травмы и прогнозы. В ОРИТ в принципе не любили прогнозы.

Лечащим врачом оказался Чжун дайфу - немолодой усталый реаниматолог, который явно работал не меньше суток. Он сказал, что Мэйхуа в коме, состояние стабильно тяжелое, минут через тридцать к ней можно будет зайти. Её осматривал нейрохирург, который решил, что нужно ждать и смотреть за динамикой. На уточняющие вопросы Вэньхуа по неврологическому статусу врач ничего отвечать не стал - сказал ждать до вечера, когда освободится нейрохирург. Чжун дайфу ушел, Вэньхуа написал Мэйлин, где он находится, и остался ждать, когда его пустят к дочери.

Мэйлин Юн

За то время, пока Мэйлин ехала в такси, она успела передумать тысячу разных мыслей, но все они в итоге сводились к тому, что она винила себя в произошедшем. Поэтому и в клинику она вошла не сразу, а лишь спустя минут пять, как приехала, пока окончательно не довела себя до отчаяния. Она боялась показываться Вэньхуа на глаза. Боялась, что он тоже будет ее обвинять в произошедшем, ведь она никогда не скрывала перед ним то, что не хотела этой беременности и этого

ребенка. Она не раз думала, как бы сложилась ее жизнь, если бы Сяомими никогда не рождалась, и приходила к выводу, что ей было бы намного лучше. Ей было стыдно за эти мысли, но она не могла от них избавиться.

Ей снова пришло сообщение от Вэньхуа, и Мэйлин, вздрогнув, все же вошла в клинику. Она не так часто заходила в клиники в качестве пациента, а не врача, но здесь он была всего лишь родственником пациента, и это ее нервировало. От нее ничего не зависело.

- Вэньхуа... - в нерешительности позвала она, остановившись в паре шагов от него.

Она не знала, что ей сказать. Она не знала, что с Мэйхуа, насколько тяжелое ее состояние и чего можно ожидать. И ей было страшно, что и правда есть ее вина в том, что произошло с дочерью. Она не хотела чего-то такого.

Дин Вэньхуа

Мэйлин скоро пришла. Вэньхуа обернулся к ней, заметив, что она перепугана и смущена. Он подошел к ней сам, но не стал касаться - ей это сейчас не нравилось, да и не совсем прилично. В коридоре они были не одни.

- Пока ничего не понятно, - сказал Вэньхуа. - Я говорил с лечащим врачом, он сказал, что состояние стабильно тяжелое, кома. Больше сможет рассказать нейрохирург, но он освободится к вечеру.

Можно было не уточнять, что в ОРИТе лечащий врач - реаниматолог. Даже если там находился пациент, которого вел специалист из другого отделения, его мнение переставало быть главным до тех пор, пока больного не переведут в профильное отделение. Вэньхуа взглянул на экран телефона, чтобы увидеть время.

- Нас к ней пустят минут через тридцать, - добавил он.

Он считал, что должен как минимум казаться уверенным, и обычно Вэньхуа без проблем справлялся с этой задачей. Но сейчас он боялся того, что мог узнать, и тех последствий, которые могли быть после этой аварии. Ему хотелось хотя бы самому увидеть Сяомими и её историю болезни, чтобы знать, к чему готовиться.

Мэйлин Юн

Кома. Мэйлин снова вздрогнула, даже дернулась, словно ее ударило током. За что ей это? Неужели это она, неужели из-за нее все это случилось, и кто-то сверху — Мэйлин не верила в высшие силы, но как тут не верить и дальше? — решил ее таким образом наказать? Она вдруг вспомнила роковой день в Кандагаре, нет, не тот, когда она узнала о беременности, а последний день в госпитале, когда вход в бункер завалило, и ее трехмесячная дочь осталась внутри, а сама Мэйлин — снаружи, не имея возможности добраться до Сяомими. Тот ужас, который она испытала, не шел ни в какое сравнение с тем, что она чувствовала сейчас.

- Мне так страшно, - отчаянно прошептала она, потому что не могла сказать это вслух — горло перехватывали рыдания, а голос сжимался до тонкого невразумительного писка. Мэйлин вцепилась взглядом в Вэньхуа, но черты лица его

расплывались от тех слез, что выступили на ее глаза. Она сморгнула и вытерла лицо тыльной стороной кулака, словно ребенок.

- Я никогда не хотела, чтобы все так вышло, - все стало вдруг таким неважным. Ее истерики перед сном, капризы и непослушание. То, как она выкидывает кашу из тарелки на пол, или разливает воду из поильника, потому что ей весело, а Мэйлин злится, ведь все это нужно убирать. И даже то, что теперь ее жизнь ей не принадлежит – это не важно. Лишь бы Мэйхуа была здорова и дома, а не в чужой клинике в коме, наверняка опутанная трубками и проводами.

Дин Вэньхуа

- Мне тоже страшно, - честно ответил Вэньхуа.

Он все-таки подошел к Мэйлин и обнял её, потому что она расплакалась. - Я знаю, что не хотела. То, что случилось, от тебя никак не зависело.

Даже зная наизусть все когнитивные искажения, очень сложно рефлексировать их в тот момент, когда не до рассуждений. Когда больно, страшно и теряешься в неизвестности. В этой ситуации люди часто становятся религиозными или верят в приметы. Окружающие винят жертв, якобы те неправильные. С правильными не случается, кто в белом пальто, того не коснется. Или ищут свою вину. Считают, что до всего довели мысли, зависть, обиды, ретроградный Меркурий или фаза Луны.

Вэньхуа прекрасно знал, что это - ерунда. Что умирают не те, кто не верил в излечение, а выживают не те, за кого больше молились. Людей спасали навыки врачей, возможности организма и удача, не связанная абсолютно ни с чем. А убивали их очевидные ошибки и роковые случайности.

Мэйлин Юн

Мэйлин не отстранилась, но не стала прижиматься еще сильнее, все же помня о том, что они не наедине, и ей все еще было неловко проявлять симпатию даже к мужу на глазах у других. Даже в коридоре у реанимации, в которой лежала их единственная дочь. И на этот раз прикосновения Вэньхуа не вызвали у нее такого сильного отторжения, как раньше. Она боялась, что то, что случилось с Мэйхуа, окончательно поставит между ними точку. Все это время после возвращения из Германии Мэйлин больше склонялась к мысли, что уехать ей и оставить Вэньхуа и дочь в покое будет лучшим решением, что бы там ни говорил Вэньхуа. Чтобы бороться за отношения, нужны силы – у нее этих сил не было. Но в той картине мира с Мэйхуа все было хорошо. О том, чтобы уезжать, сейчас не могло быть и речи.

Она пока не могла связно думать, все мысли проносились у нее в голове, не задерживаясь, или превращались в вязкий невразумительный кисель, в котором сложно было разобраться. Мэйлин понимала, что не должна поддаваться страху, потому что пока ничего не ясно, нет никаких окончательных диагнозов и прогнозов, но неизвестность пугала ее сильнее всего. И большее, что она могла сейчас сделать, это просто дожидаться, пока их пустят к Сяомими, а потом дожидаться нейрохирурга, чтобы обсудить с ним возможность перевести Сяомими в детское отделение в Хусин, где она будет рядом и под тщательным присмотром.

Дин Вэньхуа

- Она жива, и это - главное, - сказал Вэньхуа и погладил Мэйлин по спине.

Сколько раз он слушал типичную историю, когда опытный врач терялся, когда на месте пациента оказывался кто-то из близких. Сейчас он понимал, как это происходило. Ты не можешь разделить надвое. Даже первый пациент - это пациент, в котором ищешь причину и симптомы болезни, которые бы соответствовали учебника и конспектам. А на своего ребенка так смотреть невозможно. На место объективности приходит надежда на то, что все обойдется, которая пытается побороть страх за жизнь близкого человека.

- Что бы ни было, пока она жива, есть способ ей помочь, - добавил Вэньхуа. - Даже если мы этот способ не знаем. Я видел Тео после аварии. И видел его на днях. Если Сяомими жива, остальное решаемо.

Ему было сложно надеяться на то, что он не понимал. Вэньхуа знал, как с помощью врачевания восстанавливались другие ткани. Ничего принципиально сложного в этом не было - все те же фибробласты и прочие кератиноциты. Заживи хоть половину кожи с помощью энергии, восстанови хоть целую мышцу, человек останется собой. Но с нервной тканью могло быть иначе. И главным, что удивляло Вэньхуа, было то, что Тео оставался собой, не считая небольшой ретроградной амнезии, касавшейся времени перед аварией.

Мэйлин Юн

Ей было сложно мыслить адекватно, и если Вэньхуа мог как-то логически рассуждать, думать о том, что еще можно сделать, главное узнать, как Сяомими и что конкретно говорят врачи, Мэйлин чувствовала себя тупой курицей, что только суетится в испуге. Не хватало еще впасть в истерику. Она снова вытерла глаза и отстранилась. Нужно было взять себя в руки, даже если это было практически невозможно.

От ее веры в чудеса не осталось и следа. Мэйлин слишком многое пришлось увидеть и осмыслить, чтобы сохранять свою детскую веру в то, что все будет хорошо. И, сколько бы ей ни казалось, что это ее мысли могли повлиять на то, что в итоге случилось с Мэйхуа, Мэйлин старалась их отталкивать подальше от себя. Если и были какие-то надежды, то не на чудо, а на врачей и врачевателей. Но это вовсе не чудо, это – кропотливая и тяжелая работа.

Она по-прежнему молчала, все, что она могла бы сказать, было бессмысленным. Эти надежды, сожаления...От них не было никакого толку. Помогают вовсе не молитвы.

Мэйлин посмотрела на двери ОРИТ. Конечно, она ждала врача, и было не по себе от того, что ей сейчас нет хода в реанимацию, потому что сейчас она не врач. И оттого было только непривычнее, понимать, что жизнь твоего ребенка зависит не от тебя, а от кого-то еще. От компетентности и умений реаниматолога и нейрохирурга, от того, хорошо ли за Сяомими смотрят медсестры, хорошее ли здесь оборудование. Удобно ли ей. Может, ей станет лучше, если привезти ей ее любимую плюшевую

панду.

Дин Вэньхуа

Через некоторое время из отделения вышел Чжун дайфу. Он предложил зайти к Мэйхуа, но предупредил, что ничего нельзя трогать, будто Вэньхуа и Мэйлин это не понимали без напоминания. Отделение реанимации было огромным, на первый взгляд оно существенно уступало по оснащённости условиям Хусин, хотя в целом было неплохим. Это Вэньхуа отметил мимоходом, потому что его внимание стало приковано к Сяомими как только он её увидел.

На лице и виске были ссадины, дыхание поддерживалось ИВЛ, и было страшно видеть руки с катетерами, понимая, что Мэйхуа не фиксировали, потому что не считали, что она будет вырываться.

- Ей делали КТ, что показал снимок? - спросил Вэньхуа.

- Спросите у нейрохирурга, когда он освободится. Там была гематома, - ответил Чжун дайфу.

- Он уверен, что нет причин проводить декомпрессию? - уточнил Вэньхуа.

- Видимо, да. Вы хотите поучить его работать? - язвительно уточнил реаниматолог.

- Нет, но я - нейрохирург, и хочу понять, что с моей дочерью. Я боюсь, что мы можем упустить время.

По косвенным признакам Вэньхуа понимал, что причина состояния - травма головы. При этом не было следов открытого повреждения, но кровотечение могло продолжаться, ухудшая прогноз.

- Мы стараемся сделать все возможное. Но сейчас никто не будет делать оптимистичные прогнозы, - сказал Чжун дайфу.

Мэйлин Юн

Вскоре немолодой реаниматолог, представившийся как Чжун дайфу, разрешил зайти к Сяомими. Мэйлин одновременно и ждала этого и бесконечно боялась увиденного. Поначалу у нее возникло ощущение, как будто ее с силой ударили камнем по голове, и теперь ей сложно удержать равновесие. Мэйлин вцепилась в ремешок своей сумки так, что аж побелели костяшки пальцев.

Сяомими лежала такая крохотная на этой детской функциональной кровати, вся опутанная трубками и проводами, в маске ИВЛ, закрывающей половину личика, с множеством датчиков, окруженная экранами и аппаратами. На ее лице были ссадины, не прикрытые длинной и густой, совсем как у самой Мэйлин, челкой, потому что волосы разметались по подушке. А ведь с утра ей завязывали два хвостика.

Мэйлин редко когда испытывала действительно привязанность к дочери, она не могла себя заставить лишний раз прикоснуться к ней, обнять или просто посидеть

рядом без цели, просто так, потому что это приятно. Ей было непонятно это бесцельное сидение, когда на самом деле можно заняться чем-то полезным. Но сейчас ей хотелось оставаться рядом с Сяомими как можно дольше, держать ее за руку, хотя это было запрещено, прижимать к себе, стараясь укрыть от всего на свете. Может быть...если бы она делала так раньше, то этого бы не произошло? Ничего бы не случилось?

- Спасибо, Чжун дайфу, - сказала Мэйлин, она почти не слышала, о чем Вэньхуа говорил с врачом. – Что сейчас требуется от нас? Мы можем находиться здесь до того, как освободится нейрохирург?

Дин Вэньхуа

- Нам нужно работать, - ответил Чжун дайфу.

- Я понимаю, - сказал Вэньхуа. - Но разрешите нам побыть здесь. Мы оба работаем в клинике и каждый день бываем в ОРИТе, от нас не будет проблем.

Реаниматолог изучающе посмотрел на него и на Мэйлин, затем взглянул на Мэйхуа и кивнул. Вэньхуа понимал, насколько сложным было такое решение: крайним окажется врач, а не родственники с их обещаниями, а в интенсивной терапии было чем заняться и без того, чтобы следить за посетителями. И он не стал бы настаивать на возможности остаться, если бы не хотел присмотреться к ауре Мэйхуа и попробовать лучше понять, в каком она была состоянии. Возможно, они с Мэйлин могли что-то сделать. Но тут не Хусин, и возможностей для магии вне Хогвартса особо не было.

- Не больше получаса. Если нейрохирург не освободится - дальше в коридоре, - ответил реаниматолог.

- Спасибо, Чжун дайфу, - Вэньхуа ему поклонился, тот кивнул в ответ и отошел.

Мэйлин Юн

Вряд ли Мэйлин выглядела сейчас как человек, от которого не будет проблем. Казалось, она едва сдерживается, чтобы не впасть в истерику. Даже когда папа попал на операционный стол, она волновалась намного меньше, потому что доверила его рукам Дина дайфу и верила в те самые чудеса, места которым сейчас уже не осталось. С тех пор многое изменилось. Она стала циничнее, недоверчивее, кажется, даже злее и холоднее. Резче, вся утыканная острыми шипами как толстой броней.

Она поклонилась реаниматологу и промолчала, но затем снова обернулась к Сяомими, жадно вглядываясь в ее расслабленные черты лица. Ее даже не стали привязывать, ручки лежали поверх одеяла, с катетером и датчиком пульсоксиметра. Мэйлин опять вытерла глаза рукавом рубашки. Наверное, нужно было что-то сказать, как-то дать понять Мэйхуа, что они рядом, она не одна, но она скорее всего их даже не слышала. За нее дышал аппарат искусственной вентиляции легких, Мэйлин слишком хорошо знала, что это значит, чтобы продолжать сохранять бодрость духа. У нее на это не осталось никаких сил.

- Прости меня, - непонятно к кому обращаясь, сказала Мэйлин. — Я не умею быть мамой. Наверное, я могу быть только хирургом.

Для Мэйлин не было тайной, что она не лучшая мать. Лучше некоторых, но все же не соответствующая даже тем ее собственным внутренним идеалам, которые были ей навязаны. Она не знала, как быть сильной ради собственного ребенка, разве это правильно?

Дин Вэньхуа

Вэньхуа слышал Мэйлин только краем уха. Он считал, что Сяомими её не слышала, а все прочее можно будет обсудить потом, не здесь. Он всматривался в ауру дочери, стараясь рассмотреть то, что сейчас происходило в области головы. И прищурился, когда понял, что гематома хоть и небольшая, но кровотечение продолжалось. Это было сложно различить по свечению ауры, скорее сочетался большой опыт Вэньхуа как хирурга и его куда меньшие знания в области врачевания. Он осмотрелся, но Чжун дайфу уже отошел.

- Это субарахноидальное кровоизлияние, и кровотечение продолжается, - негромко сказал Вэньхуа. - У нас полчаса, и я один не справлюсь.

Он мог позвать Чжуна дайфу и попытаться убедить того, что нейрохирург нужен срочно. Время на томографию, время на подготовку к операции. И можно было это время упустить, пытаясь убедить реаниматолога в том, что без очевидных методов диагностики видишь, что состояние требует сложного вмешательства. Не скажешь же, что видишь ауру и можешь рассмотреть в ней гематому. Вэньхуа понимал, что у них мало времени, и он должен сделать тот выбор, который либо исправит если не все, то многое, либо станет поводом вечно себя винить. Он подошел ближе к Сяомими и задержал руку у её головы, не касаясь волос. Он направил на область Аджны энергию синего цвета, которая должна была успокоить кровоточащий сосуд. Вэньхуа тысячи раз проделывал это с помощью коагулятора, но ни разу с помощью врачевания.

Мэйлин Юн

Вэньхуа промолчал, и Мэйлин тоже затихла, глядя на дочь. Только, в отличие от Вэньхуа, она могла лишь тупо на нее смотреть, варясь в котле собственных мыслей и не вылавливая ни одной конкретной. Давно у нее не было такой мешанины в голове, все же Мэйлин привыкла держать там полный порядок. Сейчас от него не осталось и следа.

Но когда Вэньхуа снова заговорил, Мэйлин перевела на него взгляд, с трудом поняла, о чем он говорит, и снова посмотрела на Мэйхуа. На мгновение, на какое-то одно единственное мгновение, растянувшееся, казалось, на целые годы, Мэйлин подумала о том, что, может быть, лучше будет не делать ничего. Она отступила на шаг назад. Все будет быстро. Не больно. Не страшно. Все будет снова так, как раньше. Или нет.

Мэйлин напугала даже не сама эта мысль, а то, что она пришла к ней в голову. Она почувствовала неприятное чувство в груди и животе, какое возникает, когда не хватает воздуха, и тянущее ощущение не дает сделать полноценный вдох, а потому

голова начинает кружиться. Эта мысль оказалась настолько чужеродной, трусливой, подлой, что Мэйлин вздрогнула и, качнувшись, подошла к медицинской кровати ближе, встав с другой стороны.

- Я никогда так не делала раньше, - надломлено призналась она. Она не могла даже сосредоточиться на том, чтобы посмотреть ауру, она просто верила Вэньхуа на слово. Если в своих чувствах к дочери Мэйлин сомневалась, то в его – никогда. – Что ты хочешь сделать?

Ее рука дрожала, пока Мэйлин держала ее рядом с ладонью Вэньхуа, направляя энергию синего цвета. Никогда до этого ей не было так тяжело.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа много раз приходилось работать рядом с Мэйлин. Он прекрасно знал, что она умела контролировать любые эмоции, концентрироваться на работе и делать то, что нужно. Иначе она не добилась бы той должности, которую сейчас занимала. Но рядом с Мэйхуа она была растерянной и напуганной. У неё дрожали руки, чего он вообще не ожидал увидеть.

- Я тоже не делал. Но пока мы поймем здесь нейрохирурга, может быть поздно, - сказал Вэньхуа. - Нужно остановить кровотечение и убрать или уменьшить гематому. Со всем остальным она справится сама, если мы успеем. Как лучше убрать ша-ци?

Мэйлин знала врачевание намного лучше, чем он. Вэньхуа понимал, что именно нужно сделать, но не совсем представлял, как именно этого добиться. Он знал, что мозг ребенка обладает невероятными способностями к регенерации, и что достаточно исключить опасное для жизни состояние, чтобы рассчитывать на восстановление функций. Но сейчас нужно было разобраться с проблемой, которая была основной - кровотечением и гематомой.

Мэйлин Юн

Нет ровным счетом ничего общего между тем, чтобы стоять возле своего пациента, и тем, чтобы видеть перед собой собственного ребенка, в коме, с аппаратом искусственной вентиляции легких и опутанного трубками. Ведь что-то же должно внутри отзываться, не могут те пугающие ее мысли принадлежать и в самом деле ей? И отзывался почему-то только один страх.

Мэйлин сглотнула, пытаясь соображать чуть побыстрее. Нужно убрать ша-ци, которой сейчас много в верхних чакрах, поэтому Мэйхуа не может выйти из комы, не может очнуться, за нее дышат искусственные легкие. Но куда она сейчас денет эту ша-ци, ведь она не может просто так свободно ходить по реанимации, как в Хусин, где достаточно одного бэйджа с фамилией, чтобы открыть ей все пути.

- Давай я уберу ша-ци, - предложила Мэйлин, чувствуя себя абсолютно тупой. Вэньхуа не умел от нее избавляться, в отличие от нее самой, если ей сейчас вообще хватит сообразительности сделать хоть что-нибудь. – А потом...потом буду что-то делать с гематомой.

Ей должно было хватить опыта, нужно было только собраться и взять себя в руки. Да, вот в эти самые, которые дрожали сейчас, но не дрожали ни когда она спасала Вэньхуа в горной деревне, ни когда пыталась вернуть с Запада Полковника. Она не может быть сейчас слабой.

Мэйлин стала вытягивать на себя ша-ци, когда, наконец, смогла рассмотреть ауру и темные в ней пятна.

Дин Вэньхуа

Мэйлин начала работать с энергией, хотя все еще не пришла в себя. Вэньхуа взглянул на часы, которые висели на стене. У них оставалось минут двадцать. Этого времени было очень мало. Даже несмотря на то, что работа с энергией занимала меньше времени, чем обычная операция. Тео в свое время очень быстро справился с позвоночником Юэмин, хотя восстановление еще заняло определенное время. Но у Тео в тот день было больше возможностей, и он мог делать все, что хотел.

- Скажи, что делать мне, - сказал Вэньхуа. - От гематомы желтый?

Если бы их сейчас слышали сотрудники этой клиники, у них сложилось бы странное впечатление о старших хирургах из Хусин. Впрочем, это было последним, что волновало Вэньхуа в этот момент. Он задержал ладонь возле шеи Сяомими и направил на эту область оранжевую энергию, чтобы уменьшить отек. В капельнице наверняка был диакарб, благодаря которому отек мозга не развивался слишком быстро, но местные врачи уже упустили кровотечение.

Если Мэйхуа станет лучше, нужно будет поднять вопрос о том, чтобы перевести её в Хусин. Там все будет проще, и условия будут совершенно другими.

Мэйлин Юн

Мэйлин была бы намного увереннее в себе, если бы ее руках были сосудистые ножницы или зажим с иглой и шовным материалом. Она почти не пользовалась своими способностями после возвращения из Афганистана, или всегда это было что-то незначительное и маленькое, незаметное. Когда она видела пациента с травмой головы, она направляла его к тому врачу, который на этом специализировался. Но в этой клинике врач, который должен был приложить все усилия, чтобы кровотечения не допустить, все же упустил этот момент.

Ша-ци оседала на руках, как липкая густая пленка, Мэйлин искала вокруг что-нибудь, чем можно бы было ее вытереть, но здесь не было ничего подходящего. В ее сумке была упаковка влажных салфеток, но сейчас Мэйлин не стала отвлекаться. Она с таким трудом собрала себя воедино, что любая секунда промедления могла все разрушить, и пришлось бы начинать собирать себя сначала, будто она – неровная башенка, сложенная из детских кубиков.

- Да, желтый, - без особой уверенности в голосе сказала Мэйлин. Она много раз работала с гематомами, но не такими, которые затрагивали бы субарахноидальное пространство. И Мэйлин боялась навредить еще больше, потому что энергия желтого цвета была прямо противоположна синей, которой, по-хорошему, сейчас нужно было воздействовать в большей мере. – Ей не станет хуже?

Она не стала стряхивать ша-ци на пол, да и вытирать об брюки было глупо. А если она сейчас пойдет мыть руки, то на этом посещение и закончится. Уж лучше пусть остается так.

- Кровотечение вроде остановилось, - заметила она. Словно не старший хирург, а какая-нибудь вчерашняя студенточка без опыта работы.

Дин Вэньхуа

- Не станет, я смотрю, - ответил Вэньхуа.

Ша-ци становилось меньше, и удавалось лучше видеть то, что происходило в ауре Мэйхуа. Он поднес ладонь к голове дочери в том месте, где была отчетливо видна гематома, и направил желтую энергию, которая должна была разобраться с этим сгустком, сдавливающим ткани через ТМО.

Запястья болели, энергии уходило очень много, и Вэньхуа расходовал её неумело. Но сейчас это был единственный выбор, позволявший не потерять бесценное время. Гематома уходила, отек не развивался. Аджна светилась все более ровно. Мимо прошла медсестра, которая лишь мельком взглянула в их сторону. Видимо, не заметила ничего подозрительного.

- Она может очнуться, - сказал Вэньхуа. - Тогда нам понадобится Чжун дайфу.

Гематома становилась все меньше. Она могла остаться на какое-то время, это уже было не так опасно. Если не спровоцировать новое кровотечение и все возможные связанные с ним осложнения. При том объеме, который оставался сейчас, Вэньхуа не видел бы показаний для операции. Здесь организм мог справиться сам.

Рука Сяомими, прежде неподвижно лежавшая на кровати, чуть дернулась, и крошечные пальцы попытались ненадолго сжаться. Вэньхуа отошел на полшага.

- Спасибо, - сказал он, взглянув на Мэйлин. - Ей повезло, что ты - её мама.

Он не справился бы сам. Даже не рискнул бы лезть, безопаснее было бы срочно искать нейрохирурга и доказывать ему, что он ошибся. Теряя время, провоцируя разборки и рискуя самым главным.

Мэйлин Юн

Руки стали дрожать сильнее от напряжения, скопившегося в запястьях и пальцах от ша-ци, блокирующей нормальное течение здоровой энергии. И эта противная мелкая нервная дрожь шла все дальше, распространяясь вместе с тем, как ша-ци проникала глубже в ее собственную ауру. Но Мэйлин добилась того, что в области Аджны и Сахасары Мэйхуа темных пятен становилось все меньше, пока они совсем не исчезли. Аура была ослаблена, и было хорошо видно пятно гематомы, как какой-нибудь чужеродный нарост поверх тканей. Мэйлин почти удалось сосредоточиться на ауре, она заметила, как от рук Вэньхуа идет поток энергии желтого цвета, и под его влиянием гематома становилась все меньше. Энергии было больше, чем необходимо, Вэньхуа тратил ее слишком много.

Тоненькие маленькие пальчики Сяомими дрогнули, но затем снова расслабленно разжались. У Мэйлин от напряжения свело кисти, и она подняла руки на уровень груди, удерживая перед собой, будто они были сильно обожжены и она боялась ими чего-то коснуться. Кажется, ее даже мутило от пережитого волнения. Его не стало меньше, просто сейчас она стала его осознавать все четче.

- Ей повезло, что я просто знаю врачевание, - покачала Мэйлин головой. И еще больше повезло, что Вэньхуа смог оставаться спокойным и даже немного хладнокровным в такой момент. Она боялась признаться, какие мысли в ту секунду были в ее голове. Если бы не Вэньхуа, она бы не сделала ничего, она бы даже не додумалась использовать свои способности, чтобы все исправить. – Мне нужно вымыть руки.

Ей хотелось выйти, убежать, спрятаться и остаться одной. Жаль только, что нельзя было оставить здесь эти мысли, потому что они непременно последуют за ней, куда бы она ни пошла. Если бы можно было убежать от самой себя, Мэйлин бы уже так и сделала.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не стал спорить, сейчас это было бы особенно неуместно. У него разболелась голова, из-за этого было сложнее смотреть на то, что происходило в ауре. Но рядом были приборы, которые были для него куда понятнее разноцветных всполохов энергии.

Пульс Сяомими участился. Она снова шевелила пальцами, и стоило рассчитывать на то, что она придет в себя. В таком состоянии и взрослый человек не поведет себя адекватно, а маленький напуганный ребенок на ИВЛ и в катетерах испугается.

- Я побуду с ней, можешь сходить помыть руки, - сказал Вэньхуа. - А потом поищи, пожалуйста, Чжуна дайфу, сейчас понадобится его помощь.

Реаниматолог отвечал за всех пациентов, которые попадали в ОРИТ. Без его решения даже в Хусин никто из хирургов не стал бы заниматься самодеятельностью. А здесь все, что имел право делать Вэньхуа до прихода Чжуна дайфу - это разговаривать с дочерью, когда она проснется, и следить, чтобы она не сорвала маску или катетеры. И было бы хорошо, если бы врач вернулся быстро. Вэньхуа нашел взглядом кнопку вызова медсестры.

Сяомими снова зашевелилась, попыталась повернуть голову и нахмурилась, как всегда делала перед тем как расплакаться. Она очнулась. Только сейчас Вэньхуа почувствовал, что все это время был напуган и запрещал себе замечать какие-либо мысли кроме тех, что касались возможности изменить ситуацию. Это был навык, который сейчас его выручил.

Мэйлин Юн

Сяомими могла скоро проснуться, Мэйлин одновременно и хотела оказаться подальше отсюда, и вместе с тем боялась пропустить этот момент. Она, все еще удерживая руки на весу, кивнула Вэньхуа и отошла от кровати. Проходя мимо поста медсестры, она попросила позвонить Чжуну дайфу, потому что Мэйхуа могла

очнуться в любой момент, и лучшему было быть здесь, чтобы оценить ее состояние. Какими бы опытными хирургами они с Вэньхуа не были, в ОРИТе реаниматолог был царь и бог.

Медсестра обещала позвонить врачу, и Мэйлин вышла, чтобы найти туалет. Она не хотела привлекать к своим рукам внимание, поэтому старалась держать их ладонями внутрь, пряча осевшую на них черноту. Часть ее уже расплзлась по ее ауре, из-за этого у Мэйлин было довольно мутное состояние. Голова пока не болела, но это было тоже не за горами.

Туалет был неподалеку, Мэйлин закрыла дверь за защелку и, только оставшись наедине с собой, судорожно вздохнула. Ей было противно смотреть на себя в зеркало, поэтому она старательно отводила взгляд, пока тщательно, даже с маниакальной тщательностью одержимого намыливала руки, израсходовав, наверное, четверть жидкого мыла. Напоследок она приложила замерзшие руки к горящим щекам и в очередной раз тщетно попыталась успокоиться. В ее жизни был полный разлад, и она не знала, как с этим справиться.

- Медсестра сказала, что он сейчас подойдет, - сказала она Вэньхуа, но, заметив, что дочь открыла глаза, замолчала, не зная, что сказать. Ей бы почувствовать облегчение, а она не чувствовала ничего, кроме усталости.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа заговорил с Сяомими, уговаривая её лежать спокойно. Ребенок проснулся и боялся, оказавшись в незнакомом месте. Ей мешала маска, она быстро заметила пластыри, которые держали катетеры, и Вэньхуа осторожно придерживал её руки, чтобы она ничего здесь не разнесла. У неё наверняка болела голова, что тоже не улучшало настроение, но Сяомими все же успокоилась к тому времени, когда вернулась Мэйлин. Хотя была готова снова расплакаться в любой момент.

- Я не знаю, как лучше сделать: забрать её в Хусин или домой, - сказал Вэньхуа. - Но все равно сначала нужно оформить перевод в клинику.

С Сином цзынли потом проще договориться о том, чтобы забрать домой ребенка, который только вышел из комы, чтобы никто не усомнился в психическом здоровье родителей. Вэньхуа считал, что они с Мэйлин могли бы справиться сами с тем, чтобы следить за дочерью, и ей самой будет спокойнее в знакомой обстановке.

- Ты можешь взять пару дней отгулов? Я думаю, Ши дайфу меня отпустит, - сказал Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Мэйлин не стала касаться Мэйхуа, опасаясь, что она в ответ потянется к ней еще сильнее и сдвинет катетер или электроды регистрации сердечных сокращений или ту же маску ИВЛ, которая закрывала ровно половину ее личика. Вэньхуа и так держал ее руки, чтобы она не дергалась и лежала спокойно, но Мэйлин никак не могла заставить себя сказать что-то дочери, что-нибудь поддерживающее, ободряющее, что бы показало ей, что они рядом и не оставят ее.

- Можно будет понаблюдать за ней в Хусин один или два дня, и если ее состояние не будет вызывать опасений, то забрать домой, - предложила Мэйлин. Она поймала себя на мысли, что ей будет намного спокойнее, если за Сяомими будут наблюдать знакомые ей нейрохирурги, в опытности и компетентности которых она уверена, потому как видела их в работе. Нейрохирург этой клиники упустил субарахноидальное кровоотечение, которое могло бы и повлекло бы за собой серьезные, возможно даже необратимые последствия.

- Я попрошу Ланя дайфу, - неуверенно ответила она. – Если не согласится он, тогда пойду к Сину цзынли.

Но Мэйлин подумала, что нужно быть совсем бесчеловечным и больным на всю голову человеком, чтобы в этой ситуации не дать ей отгулы. В отделение, наконец, зашел Чжун дайфу.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа считал, что ему лучше будет взять отгулы после того, как Сяомими окажется дома, потому что в то время, когда она будет в клинике Хусин, ему логичнее как раз напроситься на дежурства и остаться рядом с дочерью.

- Думаю, он согласится, - сказал Вэньхуа про Ланя.

Тот был не самым приятным типом, но все же держался в рамках здравого смысла. Он не будет нарываться на Сина цзынли, даже если помимо Мэйлин будет некому работать, а у них в отделении было несколько хирургов, как и у Ши дайфу.

Подошел реаниматолог, и Вэньхуа к нему обернулся. Тот выглядел взволнованно и не скрывал свое удивление, но принялся тщательно осматривать Сяомими, которая сразу недовольно скуксилась, когда ей стали светить в глаза.

- Давно она пришла в себя? - спросил Чжун дайфу.

- Нет, минут пять назад, - ответил Вэньхуа.

- Я позову нейрохирурга. Можете пока подождать в коридоре?

- Как скажете, - ответил Вэньхуа. - Сяомими пытается снять маску.

- Ей поможет медсестра, - ответил Чжун дайфу.

Мэйлин Юн

Мэйлин отступила немного назад, чтобы дать реаниматологу немного больше свободного пространства у больничной кровати, и без того обставленной аппаратами и опутанной трубками и проводами. Мэйхуа хныкала и пыталась отвернуться от фонарика, вырвать руки и снять маску с лица, а Мэйлин не знала, что ей делать. Но ей казалось, что если она сейчас начнет говорить с дочерью, та еще сильнее только начнет дергаться, а то и разрыдается вообще. А Мэйлин до сих пор терялась, когда Мэйхуа плакала.

Чжун дайфу попросил их выйти, чтобы провести все необходимые обследования и проконсультироваться с нейрохирургом. Мэйлин хотела сама посмотреть в глаза этому нейрохирургу и как какой-нибудь истеричной яжематери устроить скандал и обвинить его в непрофессионализме и халатности. Ведь он до последнего будет думать, что кровотечение было остановлено и уже больше ничем не угрожало. А ведь это не последний ребенок, который попадает в реанимацию с такими травмами. Что если следующему не повезет так, как повезло Мэйхуа?

Мэйлин оборвала себя. Эти мысли вели в никуда. Доказать сейчас что-то было уже невозможно. Она села на металлическую скамейку в коридоре и с силой прижала ладони к глазам.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа вышел из отделения и сел рядом с Мэйлин. Он облокотился о колени и сцепил пальцы в замок. Руки болели, особенно запястья, и немного кружилась голова. Но сейчас он был уверен в том, что пока они с Мэйлин сидят в коридоре, Мэйхуа не станет хуже.

Очень хотелось обвинить в том, что произошло, местного нейрохирурга. Это объективно была его ошибка: он не проследил динамику. Мэйхуа была не в отделении, травма произошла недавно, а показатели должны были ухудшаться, что было странно не заметить в условиях интенсивной терапии. Если бы не магия, сейчас могло просто не хватить времени на поиски нейрохирурга, и последствия травмы могли быть очень серьезными.

Любой врач ошибался. Любой в тот или иной момент принимал не лучшее из возможных решений, которые иногда приводили к фатальным последствиям. Тривиальные вмешательства приводили к катастрофическим последствиям. Предсказуемые случаи оказывались непредсказуемыми. Когда ты пациент, тебе остается только доверять врачу. Когда ты врач, ты прекрасно понимаешь, что кто угодно может ошибиться, и ты боишься, что ошибка станет фатальной для близкого человека.

- Я думаю, что долгосрочных последствий не будет, - сказал Вэньхуа. - Кроме того, что местный нейрохирург не сможет узнать о своей ошибке.

Мэйлин Юн

Мэйлин отняла ладони от лица и посмотрела на Вэньхуа. Ей вдруг показалось, что рядом с ней сидит абсолютно чужой ей человек, к которому она не чувствовала ничего, и это тоже напугало ее. У нее было ощущение, что она в своем теле давно уже не хозяйка, что кто-то другой думает и чувствует за нее, а она сидит где-то там, в темном тихом уголке своей души, отчаянно пытаясь оттуда выкарабкаться, а у нее не хватает на это сил.

Она хотела признаться в своих мыслях, что думала о том, что, может быть, и не нужно ничего делать. Пусть бы все просто закончилось, быстро и безболезненно, но вспомнила, как сложно им разговаривать друг с другом в последнее время. Она боялась его осуждения, а потому промолчала. Вэньхуа любил дочь, и Мэйлин не имела права лишать его этой любви.

- Давай уедем в Линь Ян Шо, пожалуйста? – тихо попросила она. Ей хотелось оставить все здесь – аварию, нейрохирурга, кому дочери, эту злосчастную гематому и кровотечение, полтора года сложного родительства, девять месяцев непростой беременности в условиях, для этого совсем не подходящих, и полтора года командировки, которая, кажется, морально ее уничтожила, превратив во что-то иссушенное, циничное, злое, что ей категорически не нравилось. – Я больше не могу.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не знал, что сейчас чувствовала Мэйлин. Ей было очень сложно, она не могла вписаться в ситуацию, в которой оказалась. У него было ощущение, что та Мэйлин, в которую он был влюблен, и которая стремилась добиться невероятного, осталась где-то далеко до поездки в Кандагар. А сейчас рядом с ним была её тень, в то время как её душу было найти невозможно. Он услышал в её словах крик о помощи, хотя сказала она тихо.

- Давай, - сразу согласился Вэньхуа. - Как думаешь, туда можно добраться на поезде?

Несмотря на то, что сейчас он считал, что Мэйхуа вне опасности, он думал, что лучше обойтись без перегрузок, возникающих в полете. Если это было невозможно, за Сяомими придется смотреть более внимательно.

- Расскажи мне о Линь Ян Шо, - попросил он. - Это ведь то место, которое ты собиралась мне показать?

Где спокойно и безопасно. Как в домике новогоднем шарике, на который падают хлопья снега, если его потрясти.

Мэйлин Юн

Вэньхуа согласился, хотя Мэйлин понимала, что в таком состоянии Мэйхуа страшно и неправильно возить воздушными рейсами, когда нужен покой и отдых. Но ей казалось, что если она сама проведет в городе еще хоть сколько-нибудь времени без надежды, что все это как-нибудь можно изменить, она точно вскрыет себе вены, с каким бы презрением она не относилась к такому способу свести счеты с жизнью. И уж она-то точно предпримет все необходимые меры для того, чтобы этот поступок стал завершающим.

- До Лхасы ходят поезда, - ответила она. Она ни разу так не ездила, но на всякий случай знала пути отхода, если вдруг с рейсами не сложилось бы. - Но от Лхасы до деревни можно добраться только на автобусе, и потом еще пешком нужно идти.

С одной стороны, она не хотела тащить Мэйхуа с собой, потому что именно от этого и пыталась сбежать, а с другой, ее грызла вина за то, что она вообще допускает такую мысль, что может уехать куда-то, оставляя не восстановившегося ребенка на руки бабушке и дедушке. Она вообще планировала своим родителям ничего не говорить, иначе это грозило крупным скандалом со стороны Юн тайтай, а этого Мэйлин хотела по возможности избежать.

- Да, это то место, - она вцепилась ладонями в металлическое кресло и стала смотреть в пол. – Говорят, он разными путями приходит к тем, кто в нем действительно нуждается. Там можно летать. И там есть Храм со статуей Будды, наверное, целой тысячей свечей, и священное пламя, которое никогда не гаснет. Там спокойно.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа выслушал Мэйлин. Он прикинул, что автобус и пеший переход не повредят Мэйхуа, если к этой поездке подготовиться. В конце концов, её можно было нести пешком в рюкзаке. Он посмотрел на то, как Мэйлин сжала пальцы.

- Я буду рад увидеть это место, - сказал Вэньхуа.

Он хотел сказать о том, чтобы Мэйлин подумала, хочет ли она видеть там его и Сяомими. Но он не решился ставить её перед этим выбором. И сам давно хотел увидеть это место, где Мэйлин, возможно, станет лучше. Сейчас они были в тупике, и сегодняшний день сделал все еще более сложным.

- Сегодня я постараюсь договориться о том, чтобы Мэйхуа перевели в Хусин. Через пару дней я буду видеть, можно ли ей ехать, - сказал Вэньхуа. - Я надеюсь, ей там будет проще восстановиться. И тебе.

Мэйлин Юн

Мэйлин подумала, что ее скупой рассказ о монастыре вряд ли передавал о нем все впечатление, но она сейчас не знала, что о нем рассказывать. Как будто всех слов будет все равно недостаточно. Она лишь помнила это ощущение умиротворенного спокойствия, неторопливости, размеренности и тишины, которых ей сейчас так не хватало. Мэйлин не была уверена, что ей и правда станет там намного лучше, но это была отчаянная попытка утопающего человека сделать хоть что-нибудь, схватиться за любую подвернувшуюся возможность, чтобы остаться в живых.

- Там есть опытные врачеватели, - добавила она. – Такие, как Лю Ян, который помог Тео. Я думаю, они помогут.

Но для нее осталось непонятным даже для самой себя, кому именно они помогут – Мэйхуа восстановиться, или самой Мэйлин не дать окончательно захлебнуться в своих собственных мыслях. Последний раз она была там еще до поездки в Кандагар, и не знала, что сейчас происходит в монастыре. Быть может, на самом деле там нет никого из тех людей, которых она знала и помнила. Но ведь должны быть другие?

- В какой-то момент, тогда, когда ты предложил использовать врачевание, я подумала, что, может, и не нужно ничего делать, и тогда все закончится, - она говорила очень тихо, запинаясь и делая долгие паузы, потому что признаваться было непросто. Это не те вещи, о которых принято говорить вслух. – Я не знаю, что со мной происходит.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа видел в этой поездке возможность узнать больше о том мире, который он знал лишь по слухам. Там был мир, где магия была обычным делом, в то время как Вэньхуа, даже умея превращаться в ястреба, не был уверен, что способен это все принять. Но это было не так важно, как состояние Мэйлин. Она говорила о том, о чем обычно молчат. Это были страшные слова, Вэньхуа сложно было их слышать, но он был благодарен ей за честность. Если воспринимать это не как личное отношение Мэйлин к дочери, а как симптом послеродовой депрессии, будет немного проще. Он осторожно обнял девушку за плечи.

- Если человек не может ходить после перелома позвоночника, с ним это происходит не из-за того, что он ленив и не верит в себя. Если он умирает от рака, то не из-за того, что плохо боролся или не так думал. Если ты считаешь, что рождение Мэйхуа превратило твою жизнь в кошмар, это из-за послеродовой депрессии, и твоей вины в этом нет, - сказал Вэньхуа. - Я не знаю, может, если Лю Ян из Линь Ян Шо смог восстановить Тео, у которого не было никаких шансов, там есть мастера, которые знают, как помочь тебе. Я надеюсь на это.

Ему было сложно, но он понимал, что Мэйлин не виновата в том, что происходило. Она была достаточно хорошей матерью для Мэйхуа в той ситуации, в которой они оказались. И сегодня она спасла дочери жизнь, несмотря ни на какие сомнения.

Мэйлин Юн

Мэйлин была больше готова к тому, что Вэньхуа обвинит ее в бесчеловечности или эгоизме, слабохарактерности или чем-то таком еще, а то и вообще напомним, что оставить ребенка было все-таки ее решением, и она «знала, на что соглашалась», но ничего такого не прозвучало. Но все равно ей казалось, что, даже несмотря на то, что внешне он ее поддерживает, внутри он не ободряет и отторгает ею сказанное. Впрочем, как раз это было нормально, в отличие от ее слов.

Для себя Мэйлин решила, что если даже это не поможет, ей будет лучше уйти, чтобы не тянуть за собой на это дно еще и Вэньхуа с Сяомими. У Вэньхуа еще будет возможность жить в нормальной семье, которая будет давать ему силы, а не отнимать их, а Мэйхуа наверняка даже не заметит ее отсутствия.

- Может быть, - она не стала спорить или говорить что-то еще. Наверное, это чистой воды эгоизм, думать о себе и своем состоянии, когда ее дочь – в реанимации, и непонятно, что будет дальше. Но Мэйлин не могла отделаться от ощущения, что она тонет, и где-то там очень далеко билась мысль, что кислородную маску нужно надевать сначала на себя, а потом уже на ребенка. Это противоречило всем принципам пропагандируемого правильного материнства, когда все кладется на алтарь во имя ребенка.
